

Совет экономической взаимопомощи

Совет Экономической Взаимопомощи Советского Союза и восточноевропейских стран (СЭВ) учредили 25 января 1949 года в составе СССР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Румынии, чуть позднее к ним присоединились Албания и ГДР. Мне он представлялся аморфной политико-пропагандистской структурой, призванной, с одной стороны, демонстрировать единство социалистического содружества, с другой же – формализовать предоставление Советским Союзом своим союзникам всевозможных товаров, от зерна и руды до самосвалов и паровозов, за более чем символическую плату. Так оно в начале и происходило, хотя уже тогда поток товаров шел в обоих направлениях. У поляков мы брали уголь, у чехов – урановую руду, трамваи, станки и другие машины. Румыны с болгарями предлагали свои вина и фрукты. Но такой товарооборот не носил черты структурного, рассчитанного на долгие годы взаимодействия.

В последние годы отец пытался развернуть СЭВ от взаимопомощи к кооперации, создать единое экономическое пространство, связывающее нас и союзные нам восточноевропейские страны в единый экономический организм.

После Сталина, который устанавливал советский диктат везде и во всем, в совместных предприятиях, учрежденных на территории союзных стран, советская составляющая довлела, а то вовсе подавляла хозяев страны, действовать приходилось с особой осторожностью, так, чтобы не задеть национальные чувства, не поддаться соблазну подчинить интересы партнеров экономическим запросам Советского Союза. Дела продвигались со скрипом, с необходимостью кооперации соглашались все, но каждый тянул одеяло на себя.

Летом 1959 года, а возможно и годом ранее, я точно не запомнил, отец пригласил отдохавших в Крыму по соседству с его резиденцией Вальтера Ульбрихта с женой Лотой, чету Кадаров, Гомулок, Циранкевича с молодой женой, а также и других немцев и поляков (всех имен я уже не помню). Как обычно, гуляли, купались, вместе обедали. После обеда уселись в беседке на уходящем в море мысочке, и потек неспешный разговор. Гости, за исключением Ульбрихта, говорили с акцентом, но без переводчиков. Каждый заранее подготовил список, чего и сколько хотелось бы получить из советских «кладовых». Одни нуждались в дополнительных поставках нефти, другие – железной руды и кокса. Гомулка просил выделить ему из резервов, сверх уже согласованной квоты, больше зерна. Поляки откармливали свиней на бекон, продавали его на Запад, и, чтобы развернуться как следует, им требовалось дополнительное зерно.

К подобным разговорам отец привык, заранее знал, кто что попросит, на что он может согласиться, а где придется отказать. На сей раз он не стал отвечать Гомулке, предложил лучше подумать, не как бы урвать побольше от советского пирога, а как всем вместе жить в будущем. Отец заговорил о координации планов, предлагал договориться, кто и что станет производить для всех, «в общий котел» и что сам сможет черпать из этого котла. Он сослался на капиталистов Западной Европы. Они в условиях частной собственности, конкуренции – и договариваются между собой, координируют свои действия. Начав с конкретного соглашения по углю и стали в 1951 году, теперь шаг за шагом продвигаются вперед, а у нас, при плановом хозяйстве, каждый сидит в своей вотчине и носа не жает. Был ли этот разговор на тему о кооперации первым или нет, не знаю. Скорее всего, для наших гостей не первым. Казалось бы, присутствовавшие должны с энтузиазмом поддержать отца, дело-то общее, все

от него должны выиграть, но они с ответом не спешили. Наконец Гомулка не очень уверенно произнес, что все очень интересно, но надо подумать. Остальные гости поддержали: подумать никогда не вредно. На том и разошлись.

Отец не сдался. При нем не только построят на Калининском проспекте (Новом Арбате) рядом с Белым домом многоэтажное здание СЭВ, но ему удастся и сам СЭВ преобразовать в единый эффективный экономический организм. По части кооперации к 1964 году СЭВ обгонит Западную Европу, но потом процесс забуксует. Без подкачки извне энергии энтропия начнет нарастать, связи одна за другой будут ослабевать, а взаимные претензии, наоборот, обострятся, и в конце 1980-х годов этот, казалось бы, неразрушимый экономический монолит рассыплется в прах.